Дикий Билл

Джордж Уорд Николс

SHOUT
SHARE
IT

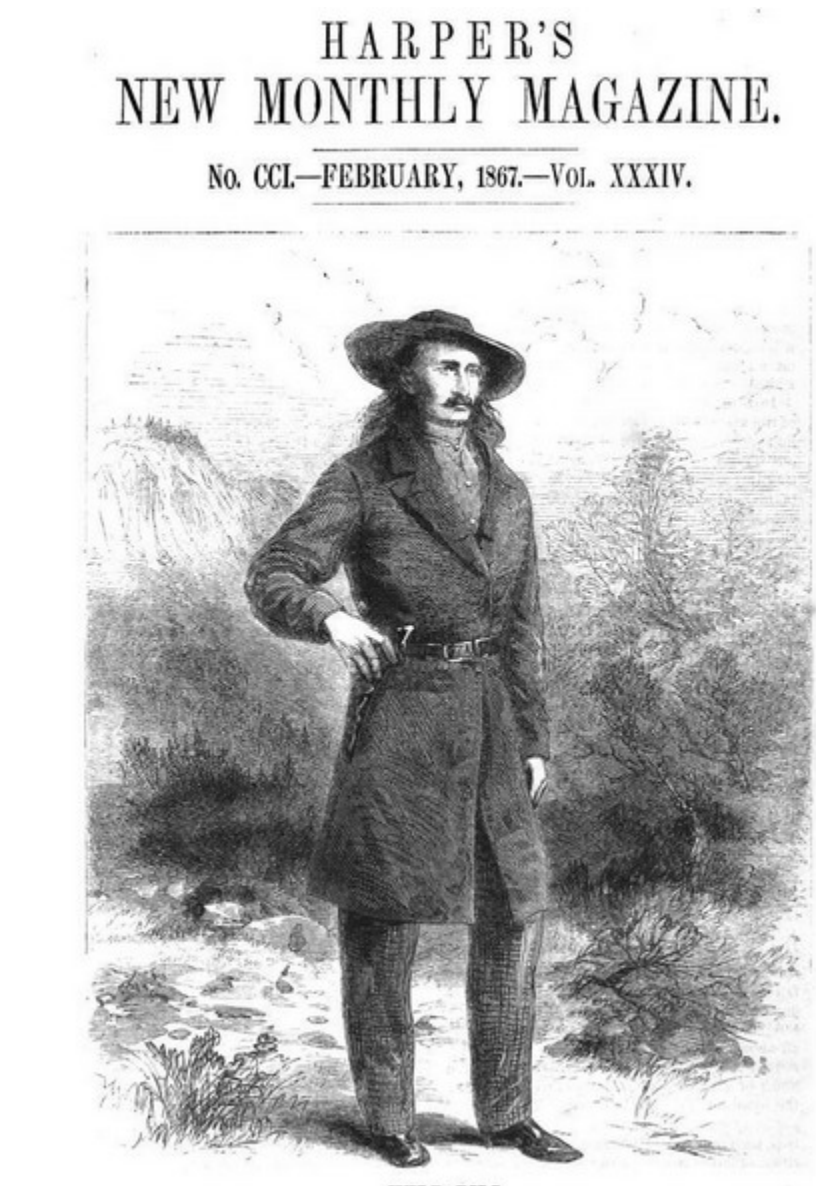
Annotation

Статья американского журналиста Джорджа Уорда Николса (1831 или 1837 – 1885) из журнала «Харперс нью мансли» за февраль 1867 года, посвящённая Дикому Биллу Хикоку (1837-1876). Благодаря этой статье ранее никому не известный ветеран Гражданской войны, стрелок и игрок прославился на всю Америку. Оригинал перешёл в общественное достояние. Здесь представлен первый русский перевод статьи. Иллюстрации взяты из первого издания.

https://sites.google.com/site/dzatochnik/

- Джордж Уорд Николс
-
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

Джордж Уорд Николс
Дикий Билл


HARPER'S
NEW MONTHLY MAGAZINE.

No. CCI.—FEBRUARY, 1867.—Vol. XXXIV.

WILD BILL.

Через несколько месяцев после окончания Гражданской войны я приехал в город Спрингфилд, что в юго-западном Миссури. Спрингфилд – не очень крупный город, но всё же самый

большой в этой части штата, и к нему сходятся все дороги. Именно по этой причине во время войны он был опорным пунктом для всех военных действий.

Тёплым летним днём я сидел в тени широкого навеса и смотрел, как приходят и уходят странные, полуцивилизованные люди со всех окрестностей, которые приспособили это место для обмена и торговли. Мужчины и женщины носили причудливые костюмы. Мужчины были одеты в сюртуки и брюки, сделанные из кожи, но так густо покрытые грязью и жиром, что нельзя было определить, плоть какого животного гуляла в этой коже. Кто-то носил одежду из домотканого сукна, которая, казалось, немало повидала на своём веку. Многие из этих людей ехали на лошадях или мулах. Другие погоняли упрямых коров, запряжённых в скрипучие, тяжело гружённые фургоны. Погонщики фургонов щёлкали своими длинными хлыстами, издавая звуки, похожие на пистолетные выстрелы.

Перед магазинами, которые тянулись по обеим сторонам главной деловой улицы, и на площадях стояли, навалившись на столбы, лежали на деревянных тротуарах или сидели в креслах группки мужчин. Это были временные или постоянные жители города, и они лениво занимались ничегонеделанием. Казалось, их основной чертой было нежелание двигаться, а их высочайшим устремлением – отращивание волос и бород.

Там и сям на улице появлялся голубой армейский мундир, и это означало, что вернулся ещё один солдат Союза. Приносимый солдатами дух бойкости и самоуверенности противоречил праздности, которая, казалось, обитала в этом месте. Единственным признаком деятельности был неизбежный револьвер, который носили все, кроме женщин. Когда жители этого ленивого города передвигались, они делали это медленно и беспорядочно. Никто никуда не спешил. На другой стороне улицы на прекрасном ложе из грязи покоился огромный боров и сладко похрюкивал от наслаждения. Крупный волкодав на помосте у моих ног буквально спал с одним открытым глазом. Он тоже довольствовался тем, что всё в мире идёт своим чередом.

Наконец и мной овладела расслабленная, ленивая стихия этого места. Я сидел, смотрел и курил. Возможно, я бы впал в сон Рип Ван Винкля, чтобы проснуться через десять лет от крика: «Пассажиры летающей машины на Нью-Йорк, все на борт!» – когда я и весь дремлющий город очнулись из-за стука и грохота копыт. По площади и по улице яростно пронеслась лошадь. Наездник сидел идеально прямо, но всё же, как это свойственно всадникам равнин, покачивался в такт своей галопирующей лошади. Это можно было наблюдать только один миг, поскольку

они внезапно остановились, и всадник спрыгнул и подошёл к группе, которую шум собрал возле меня.

«Полковник, а вот и Дикий Билл», – сказал армейский офицер капитан Хонести, обращаясь ко мне.

«Как дела, Билл? – продолжил он. – Это полковник Н. Он хотел с тобой повидаться».

Позвольте мне описать внешний вид знаменитого скаута равнин Уильяма Хичкока[1] по прозвищу Дикий Билл, который приближался, устремив на меня свои ясные серые глаза с таким выражением, как будто он меня оценивал.

Кажется, я прошёл проверку, поскольку он в открытой, честной манере протянул свою небольшую, мускулистую руку. Когда я посмотрел на него, я подумал, что уже где-то видел это изящное телосложение. Его превосходные, мужественные пропорции напоминали античную статую. Уорд мог бы использовать его как модель, чтобы изваять пару своему «Индейцу»[2].

Билл стоял передо мной, ростом шесть футов и один дюйм, обутый в светло-жёлтые мокасины. Рубашка из оленьей кожи – её можно назвать рясой – свободно свисала с его плеч и открывала грудь замечательной широты и охвата. Эти лёгкие двадцать лет росли на вольном воздухе Скалистых гор. Его узкую талию опоясывал ремень, на котором висели два флотских кольта. Его ноги постепенно сужались от плотных бёдер до маленьких ступней, которые при ходьбе заворачивались внутрь. Его фигура, которая привлекла бы ваше внимание, где бы вы ни встретились, несла в себе особые изящество и достоинство. Голова, которая увенчивала тело, сейчас была покрыта широким сомбреро, в тени которого выделялось спокойное, мужественное лицо. Когда он приветствует вас, то на этом лице выражается такая нежность, что она может ввести в заблуждение – ведь с этим лицом шутки плохи. Тонкие и чувственные губы, не слишком квадратная челюсть, слегка выступающие скулы, волна великолепных тёмных волос, падающих на плечи. Глаза при дружеском общении нежны, как у женщины. Действительно, вам чудится в них женская природа, и вы не верите, что смотрите в глаза, которые предвещали смерть сотням мужчин. Да, Дикий Билл своими руками убил сотни мужчин. Я в этом не сомневаюсь. Как говорят на границе, он стреляет, чтобы убить.

Напрасно я изучал лицо скаута, чтобы найти свидетельства этой склонности к убийствам. Это было нежное лицо, которое отличалось только косым разрезом глаз. Без всяких причин я подумал, что эта особенность указывает на его чудесно меткую стрельбу. Приведу те слова, которые он говорил мне:

«Я всегда хорошо стрелял. Но я добился совершенства в горах, когда на спор за полдоллара стрелял в десятицентовик. И потом, до войны я не пил и не курил, – продолжил он с грустью. – Война развращает».

Капитан Хонести был прав. Я очень хотел увидеть «Дикого Билла, скаута», который за несколько дней до моего приезда в Спрингфилд послал пулю в сердце одного солдата Конфедерации. Это случилось в полдень на площади, на дуэли в пятидесяти шагах.

Всегда, когда я встречал офицера или солдата из тех, что служили на юго-западе, я слышал о Диком Билле и его подвигах. Я слышал эти истории так часто, они были так необычайны, что превосходили всё виденное мной в бою и в лагере. Я был увлечён героем этих рассказов, как в детстве был увлечён Джеком – покорителем великанов или Синдбадом-мореходом. Как в детстве, сейчас я слепо верил в существование этого человека. Но для меня оставалось тайной, как один человек мог совершить такие чудеса, проявить такую силу и отвагу.

Я хочу дать читателю более ясное понимание этого сочетания, которое привело к упомянутой выше дуэли (о ней я подробно расскажу позже), и для этого я опишу положение того времени – конца лета 1865 года. Я сразу предупреждаю, что сегодня эта часть страны не может считаться образцом для современной цивилизации.

В это время в южных штатах военные опасности и волнения сменились миром и относительным покоем. Жители Джорджии и обеих Каролин были рады укреплению порядка, и офицер Союза мог в целости скакать по этим землям без сопровождения.

Но в юго-западной Миссури сводились свои, старые счёты. Когда генерал Смит[3], который командовал департаментом и совершал инспекционный объезд, ехал 120 миль от Роллы до Спрингфилда, за три дня на государственной дороге были убиты или ранены пять человек. Двое были убиты возле Роллы – кем, мы не сумели выяснить. Ещё один был убит и двое ранены на встрече группы регуляторов[4], которые служили штату, но получали жалованье от правительства США. Нужно сказать, что их способы «регулирования» слегка выходили за рамки закона. Их боевой клич был: «Для вернувшихся мятежников – быстрая пуля и короткая верёвка!».

Генерал Смит сообщил мне, что за шесть предыдущих месяцев 4000 вернувшихся конфедератов были без всякого суда расстреляны или повешены. Это утверждение кажется невероятным, но есть документы, и я не сомневаюсь в его правдивости. В истории бывали случаи подобного беспощадного

уничтожения людей в мирное время. Это объясняется не только тем, что до войны в этом районе обитали люди, не признававшие закона. В начале войны простое подозрение в лояльности к Союзу могло стоить патриоту жизни. Из-за этого многие сбежали, оставив дома и имущество. Как только федеральная армия заняла территорию, эти беженцы вернулись. Почувствовав себя в безопасности в своих родных домах, они решили, что их бывшие преследователи не должны жить среди них. Месть за прошлое и забота о безопасном будущем свели многих с ума и выпустили много пуль.

Дикий Билл не относился к регуляторам. Он был из партии закона и порядка. Он говорил:

«Когда война закончилась, я закопал свой топор, и я не буду воевать, пока на меня не надавят».

Билл родился в семье северян в штате Иллинойс. Мальчиком он сбежал из дома и скитался по равнинам и горам. Пятнадцать лет он жил с трапперами, занимаясь охотой и рыбной ловлей. Когда началась война, он вернулся в Штаты и вступил в армию Союза. Возможно, ни один человек не был подготовлен для скаутинга лучше, чем он. Он обладал невероятной силой, он был непревзойдённым наездником, он был безупречным снайпером. У него было острое зрение, а благодаря своему телосложению он мог вынести всё, что угодно. Он был хладнокровен до дерзости, смел до опрометчивости, всегда владел собой при самых сложных обстоятельствах. И, сверх того, он был знатоком искусства выживания в лесу – в его исполнении это была наука, – и нельзя описать, насколько ценно это знание для солдата. Некоторые из военных приключений Билла будут изложены позже.

Историю о дуэли рассказал мне капитан Хонести. Он был непредубеждён, если вообще после того, что случилось, можно было найти беспристрастного человека в городе с 3000 жителей. Я передам эту историю его словами:

«Говорят, что Билл – дикий. Нет, это не так. Я знаю его десять лет, и он такой же вежливый человек, как все. Но он не любит, когда на него давят.

Я расскажу вам, как это случилось. Но пойдёмте внутрь, а то здесь многие были на стороне Дэйва Татта – человека, которого убили. Я расскажу вам про этот бой. Хотите виски? Нет? Ну, а я выпью, если вы не против.

Понимаете, – продолжил капитан, поставив опорожнённый стакан, – Билл играл здесь в «семь очков», или в «четыре руки», или ещё в какую-то скверную игру. Билл отказался играть с Таттом, который был профессиональным игроком. Понимаете,

Билл на войне был нашим скаутом, а Татт – скаутом мятежников. Билл убил приятеля Дэйва Татта, ну, и одно потянуло другое.

С тех пор, как Дэйв вернулся, он пытался затеять ссору с Биллом, поэтому Билл не играл с ним в карты. Но Татт встал рядом с партнёром Билла и одолжил ему денег для ставки. Билл выиграл две сотни, и Татт взбесился. Вот он и говорит Биллу:

«Билл, у тебя теперь куча денег. Дай мне сорок долларов, которые ты мне должен за лошадь».

Билл дал ему денег. Тогда Татт говорит:

«Дай ещё тридцать пять. Ты мне должен за одну прошлую игру».

Дэйв его намеренно раздражал, но Билл ответил ему по-джентльменски:

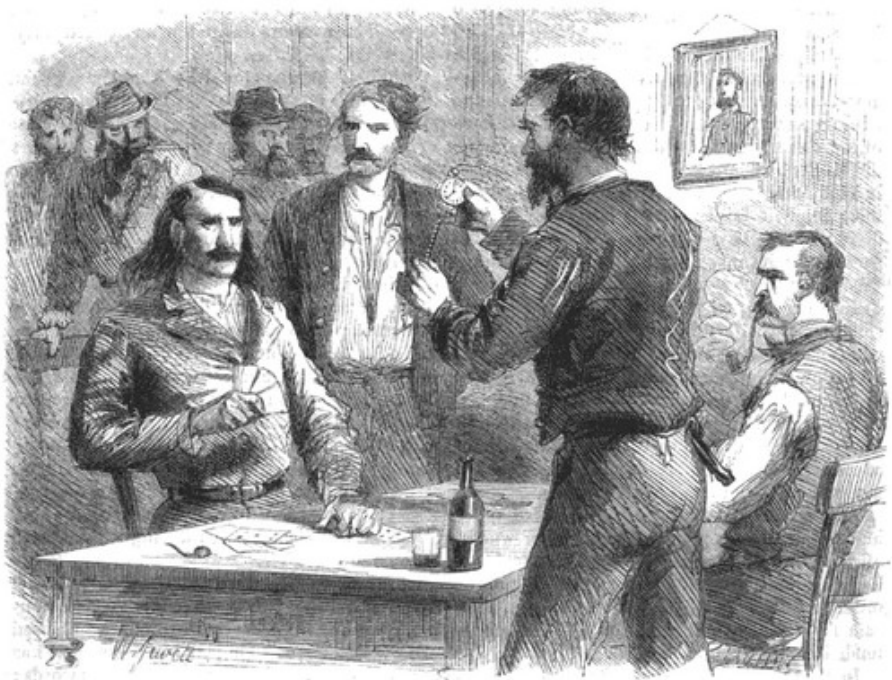
«Кажется, ты не прав, Дэйв. Я должен тебе только двадцать пять долларов. У меня есть записка, она в кармане. Если там написано «тридцать пять», я тебе их дам».

На столе лежали часы Билла. Дэйв взял их, положил в карман и сказал:

«Я их забираю, пока не отдашь мне тридцать пять долларов».

Это взбесило Билла. Понимаете, полковник, это был вопрос чести. Он поднял голову, посмотрел в глаза Дэйву и сказал:

«Я не хочу ссориться в этом заведении. Это приличное заведение, и я не хочу приносить вред его владельцу. Так что лучше положи эти часы на стол».



Но Дэйв только оскалился из-за того, что сумел разозлить Билла. Он вышел с часами и держал их несколько дней у себя. Всё это время друзья Дэйва подначивали Билла на бой. Этим разговорам не было конца. Они ругали его, пытались устроить потасовку. Тогда они думали, что могут с ним справиться. Понимаете, у Билла тут много врагов. У многих людей есть к нему счёт. Это единственное место в Миссури, куда мятежники могут вернуться, чтобы жить. И скажу вам честно, полковник, – когда капитан говорил это, он невольно схватился за свой пояс с револьвером, – они здесь не задержатся!

Как я говорил, этим мятежникам не нравилось, что по городу ходит человек, которого они в мятежной армии считали своим, а он оказался на нашей стороне. Он всё время посылал нам сведения, иногда прямо из штаб-квартиры Соска Прайса[5]. Но они не могли довести Билла до ссоры. Когда Билл злился, он сам себя боялся, и теперь оставлял своё оружие в комнате. Однажды эти сопляки наставили на него свои револьверы и вызвали его на бой, а потом сказали, что завтра в полдень Татт пройдёт с часами через площадь.

Я услышал об этом – об этом говорила вся улица, – и пришёл к Биллу. Он сидел в своей комнате и чистил, смазывал и заряжал револьверы.

«Ну, Билл, – говорю, – ты собрался на бой?»

«Не волнуйся, капитан, – говорит он. – Это не в первый раз. А эти чёртовы щенки слишком долго давили на меня. Ты ведь не хочешь, чтобы я опозорил свою честь?»

«Нет, Билл, ты должен защищать свою честь».

Назавтра в полдень Билл пришёл на площадь. Он сказал, что Дэйв Татт не пройдёт с часами через площадь, пока мертвецы не восстанут.

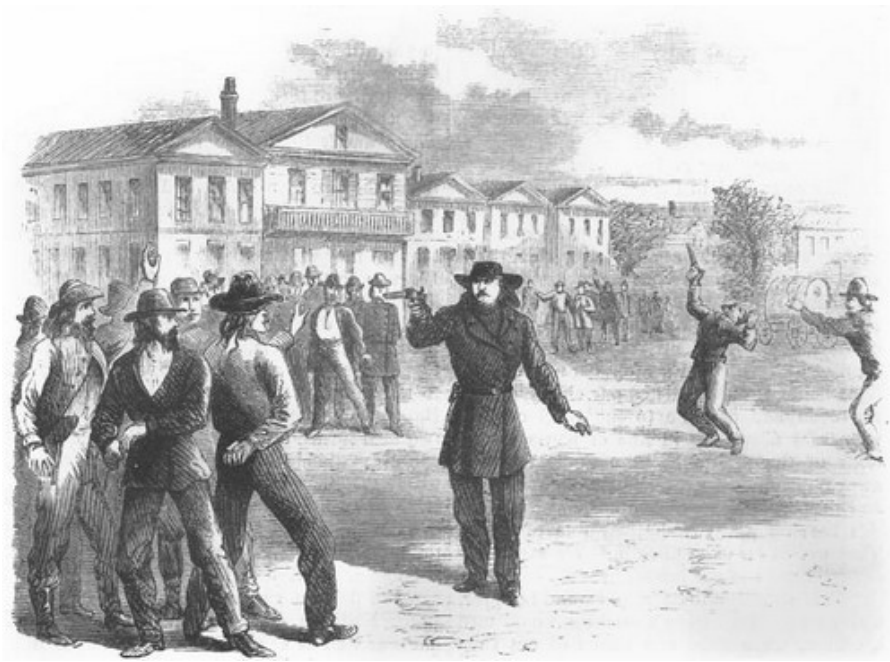
Когда Билл вышел на площадь, он увидел толпу на улице, по которой он шёл, – она, как вы знаете, на южной стороне. В этой толпе было много друзей Татта. Некоторые были его родственниками, которые только что вернулись из армии мятежников. Они подшучивали над Биллом и хвалились, что Дэйв пронесёт часы, как он и обещал.

Потом Билл увидел Татта. Татт стоял возле суда, который, как вы помните, на западной стороне, так что толпа оказалась позади Билла.

Татт был один, он начал идти от суда по площади, а Билл двинулся от толпы к западной стороне. Каждый прошёл примерно пятнадцать шагов, и между ними было примерно пятьдесят ярдов. Татт показал свой револьвер. Билл острым глазом заметил его. Татт только сумел выхватить револьвер, как Билл уже выхватил

свой.

На площади стояла такая тишина, что слышно было, как муха летит. И Татт, и Билл выстрелили. Один выстрел последовал за другим так быстро, что нельзя сказать, какой был первым. Татт был хорошим стрелком, но сейчас промазал. Пуля из его револьвера прошла над головой Билла. Через миг после того, как Билл выстрелил, он, не глядя на Татта, развернулся на каблуках и наставил револьвер на друзей Татта, которые уже вытаскивали своё оружие.



«Вы удовлетворены, джентльмены? – спросил Билл, хладнокровный, как аллигатор. – Уберите свои железки, или здесь будет больше мертвецов».

Они убрали оружие и сказали, что это был честный бой».

«Что случилось с Таттом?» – спросил я капитана, который остановил рассказ и медленно наполнял свой стакан.

«А, с Дэйвом! Он был смелым парнем. Но, благослови его бог, это было бесполезно. Билл никогда не стреляет дважды в одного человека, и его пуля попала Дэйву в сердце. Пару секунд он стоял, как вкопанный, потом поднял руку, как будто снова хотел стрелять, потом покачнулся, сделал три-четыре шага, а потом упал замертво. Билл и его друзья хотели, чтобы всё было по закону. Они пошли в суд, и Билл сам сдался. На следующий день собрались присяжные, Билла судили и признали, что он чист. Было доказано, что это самозащита. Согласны, полковник?»

Я ответил, что у меня нет такой уверенности, как у него.

«Ну, ладно, – отозвался он со вздохом жалости. – Вы не пьёте виски, вот в чём дело. – Затем, положив руку мне на плечо, он с серьёзным, немного загадочным выражением лица прошептал: – Причина этого боя – женщина!»

Капитан только успел рассказать свою историю, как её герой появился вышеописанным образом. После короткого разговора Билл извинился, сказав:

«Я собираюсь в прерию, навестить больную жену своего друга. Полковник, я буду рад видеть вас в отеле после обеда».

«Я обязательно приду», – отозвался я.

«До свидания, джентльмены, – сказал скаут, поклонившись всей группе. Сев на чёрную лошадь, которая спокойно стояла непривязанная, он махнул рукой над головой животного. В ответ на этот жест лошадь ринулась вперёд, как стрела из лука, и они оба исчезли на дороге в туче пыли.

«Это самый замечательный человек, которого я видел за четыре года службы, – сказал кавалерийский лейтенант, когда группа вернулась на свои места. – Он и его друг – ещё один скаут – совершили самый рискованный подвиг, о котором я слышал».

Сейчас, когда не было никаких дел, то все попросили лейтенанта рассказать его историю.

«Я не могу рассказать всего, что было, – сказал молодой офицер. – Это не поддаётся описанию. Можно было только затаить дыхание и смотреть. Это случилось, когда наш полк был в Арканзасе под командованием Кёртиса[6]. Однажды мы продвигались вперёд и почувствовали, что враг близок. Казалось, у него было гораздо больше сил, чем раньше. Мы немного забеспокоились. Ходили слухи, что из Техаса со всеми своими войсками пришёл Кирби Смит[7], а мы были только разведывательным отрядом, и сражение могло кончиться для нас плохо. Мы сильно пошумели лёгкой артиллерией и разместили нашу кавалерию на открытой местности напротив кавалерии мятежников. Мятежники выстроили на склоне линию обороны в тысяче ярдов от нас. Мы сделали привал на час, то и дело стреляя друг в друга, но у обоих отрядов были хорошо укреплённые линии обороны. Они ждали, чтобы взяться за нас. Мы ждали, пока подойдёт наша пехота.

Всё это было довольно глупо, и мы надеялись на какую-то перемену. Тут мы заметили, что от центра их линии к нам скачут двое мужчин. В первое мгновение мы почти не обратили на них внимания, предположив, что это просто бравада мятежников. Вдруг у противника поднялась суматоха, они начали стрелять во

всадников. Всю их линию заволокло дымом, в котором наездники скрылись от преследования. Всадники держались вместе и скакали прямо на нас. Тогда мы поняли, что они пытаются спастись, и полковник приказал одной роте пойти к ним на помощь. Хотя всё это заняло не очень много времени, но когда я смотрел на преследуемых и преследователей и увидел, что двое мужчин остановились перед глубокой канавой, то мгновения казались мне часами. Когда они развернулись, я подумал, что они хотят сдаться. Но нет. Под таким жутким огнём они медленно отошли назад, чтобы разбежаться для прыжка. Это дало возможность двум преследователям приблизиться к ним на несколько ярдов. Преследователи остановились, очевидно не понимая, что означает это обратное движение. Они недолго сомневались, поскольку двое мужчин снова повернулись и с криком бросились к канаве. И тут мы увидели, что это Дикий Билл и его друг. Товарищ Билла так и не достиг канавы. Он и его лошадь были застрелены в тот же миг. Они вместе упали и больше не поднялись.

Билл не получил ни царапины. Он говорил о Чёрной Нелл – кобыле, на которой он скакал, – что она, как и хозяин, знала, что эти двадцать футов канавы означают жизнь или смерть, и что она должна перепрыгнуть их. И она помчалась к канаве огромными скачками. Я никогда не видел более великолепного зрелища. Билл отпустил поводья, развернулся в седле и дважды выстрелил,

убив обоих преследователей, которые были от него в нескольких шагах. Они камнями свалились с сёдел, а Чёрная Нелл взлетела в воздух и безопасно приземлилась на другой стороне канавы. Тут же рискованный скаут и смелая кобыла оказались среди нас, а наши люди закричали и завопили, как сумасшедшие.

Мы спросили Билла, зачем он пошёл на такой риск, если мог вернуться к нам ночью.

«Мы с другом, – сказал он, – захотели показать этим сопливым мятежникам, на что способен солдат Союза. Мы были у них больше месяца и слышали сплошное хвастовство. Мы решили отыграться. Но, – и Билл посмотрел на зелёный луг, где всё ещё недвижно лежал его товарищ, – если они убили моего друга, они заплатят за это большую цену».

Билл, наверное, принёс ценные сведения, – продолжил лейтенант, – поскольку его тут же отправили к генералу. А через час мы сменили позицию и отразили фланговый удар мятежников».

Как мы и договорились со скаутом, я пришёл в отель после обеда. Большая комната отеля в Спрингфилде была, вероятно, самым притягательным местом города. Она выходила на улицу и служила нескольким целям. Сюда приходил тот, кто не знал, куда пойти. Она была приёмной, гостиной и конторой. Но самой выдающейся, самой притягательной её частью был бар, который полностью занимал одну сторону помещения. Технически бар был прилавком, на котором вежливые официанты расставляли свои яства. Практически бар представлял собой длинные ряды бутылок, стеклянных графинов, стаканов и бокалов всех форм и размеров, которые требуются, чтобы влить в себя алкоголь. Какая это была очаровательная, высокохудожественная выставка: удлинённые прозрачные сосуды, содержащие все известные алкогольные напитки – от родного бурбона до привозного «лакрима кристи».

Комната была и своего рода храмом искусства. На её стенах почковались, расцветали и наливались соком всевозможные картинки. Шестипенсовые портреты президентов были уложены в гробы сосновых рамок. Мазепа появлялся в четырёх фазах своей знаменитой конной скачки[8]. Мэри Энн[9] на литографии самодовольно улыбалась, несмотря на пятна коричневых от табака плевков, которые украшали её лицо. Но выставочный комитет этой неформальной академии, казалось, был особенно предубеждён в пользу «Харперс уикли» (чего можно пожелать всем выставочным комитетам). Стены комнаты были покрыты гравюрами, вырезанными из этого журнала. Портреты известных

генералов и государственных деятелей, мошенников и политиков, множество изображений битв и стычек – от первой битвы при Бул-Ране до битвы при суде Динвидди[10]. И простодушные гости и жители Спрингфилда, глядя на эти живописные изображения, удивлялись и восхищались так, словно это были шедевры Ивона или Верне[11].

В середине стоял старый и неиспользуемый бильярдный стол, на котором, казалось, свинцовыми пулями играли так же часто, как шарами из слоновой кости. Мебель состояла из дюжины стульев. Внешность собравшихся здесь мужчин, которые сидели на креслах, закинув ноги на подлокотники, или слонялись на веранде снаружи, находилась в идеальной гармонии с временем и местом. Все они религиозно подчинялись двум особенностям жителей этого города: их волосы были длинные и спутанные, и каждый из них восторженно почитал леность.

Я составлял в уме этот перечень увиденного, когда крик и ворчанье привлекли моё внимание к тому, что происходило снаружи. Это Билл скакал по улице быстрым галопом. Достигнув отеля, он сделал правой рукой круговое движение. Чёрная Нелл немедленно остановилась и упала, как будто её сбило пушечное ядро. Билл оставил её, растянувшуюся на земле, и подошёл к группе зевак на веранде.

«Чёрная Нелл не забыла свои старые трюки», – сказал один из них.

«Не забыла, храни её бог, – ответил скаут. – Она умнее и честнее большинства людей. Эта кобыла сделает для меня всё. Так ведь, Нелли?»

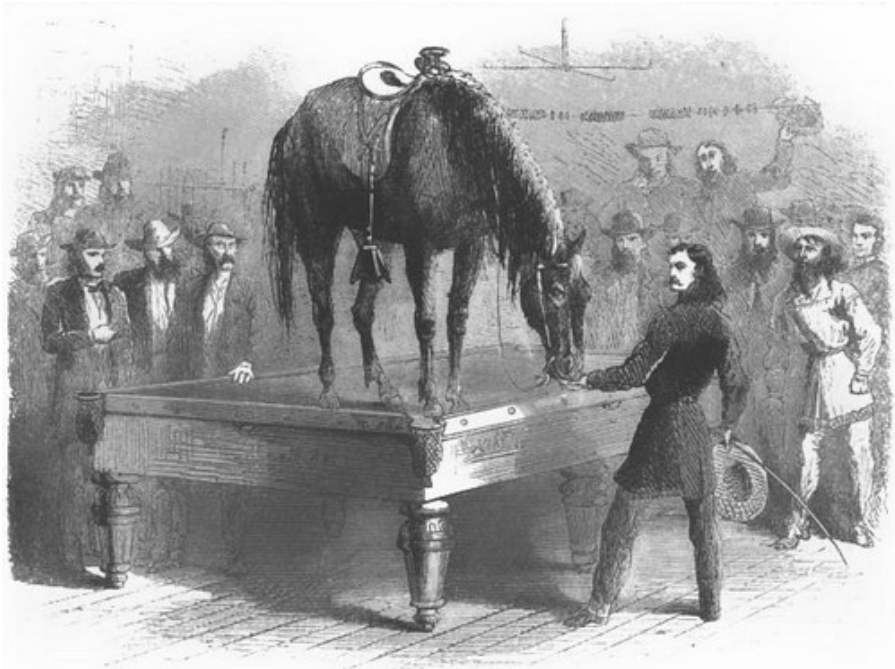
Кобыла выразительно моргнула тем глазом, который мы могли видеть.

«Да, умнее, – продолжил её хозяин. – Спорю на выпивку для всех, что она зайдёт по ступеням в комнату, заберётся на бильярдный стол, а потом спустится».

Тут же был заключён спор. Никто не сомневался в способностях кобылы, но всем хотелось увидеть, как она сделает это без подготовки.

Билл тихо свистнул. Нелл немедленно встала на ноги, подошла к нему, нежно подставила нос под его руку, последовала за ним в комнату и, к моему крайнему удивлению, забралась на бильярдный стол. Стол, несомненно, был тоже изумлён, поскольку застонал под весом четвероногого животного и нескольких двуногих, которым Нелл разрешила сидеть рядом. Когда она слезла со стола столь изящно, как можно ожидать при таких обстоятельствах, Билл запрыгнул ей на спину, промчался сквозь широкий и высокий дверной проём, одним прыжком

перенёсся через ступени и приземлился на середине улицы. Скаут спешился, щёлкнул хлыстом, и благородное животное, к своему крайнему удовольствию, поскакало по улице, резвясь и становясь на дыбы. Какой-то доброхот – должно быть, чужак – решил, что кобыла сбежала, и попытался схватить её, когда она остановилась. Она как будто возмутилась таким нахальством, взбрыкнула копытами, а затем рысью направилась в свою конюшню.



«Чёрная Нелл вытаскивала меня из крутых передряг, – сказал скаут, когда мы шагали к моему месту. – Она учится быстрее любого другого животного. Этот трюк с падением, который вы видели, много раз спасал мою жизнь. Когда я был на разведке в прерии или в лесу и встречал отряд мятежников, я падал в высокую траву, пока они нас не увидели. Как-то мятежники охотились за мной. Они решили, что напали на мой след, и сделали привал на полчаса в пятидесяти ярдах от нас. Нелл лежала тихо, как мышь, и даже не махала хвостом, чтобы отгонять мух, пока мятежники не уехали, решив, что ошиблись. Эта кобыла отзывается на мой свист и ходит за мной, прямо как собака. Она не думает о ком-то ещё, она не позволит другому сесть на неё. Она разобьёт в куски повозку, если вы попытаетесь запрячь её. И она права, полковник, – добавил Билл с горящими глазами настоящего знатока лошадей. – Лошадь – слишком благородное животное, чтобы унижаться до такого. Запрягайте

мулов и быков, а лошадь пусть бежит».

Я хотел узнать – это было не праздное любопытство, – что скажет этот человек о своей дуэли с Таттом, и спросил его:

«Вы сожалеете об убийстве Татта? Вам действительно не нравится убивать?»

«Что до убийства, – отозвался он, – я особенно не думал об этом. Те, кого я убил, были того же рода, что я. В таком случае нет времени, чтобы думать. А когда всё закончилось, какая в этом польза? А Татт… Я не хотел его убивать, я хотел всё решить тихо. Но между нами давно были нелады. Я не хотел этого боя. Но он пытался унизить меня, и я не мог этого стерпеть, понимаете. Я ведь солдат».

По его лицу пробежала тень, и он продолжил:

«Есть причина ссоры, о которой здешние люди не знают. Один из нас должен был умереть, и тайна умерла вместе с ним».

«Почему вы не посмотрели, попала ли ваша пуля в цель? Почему вы так быстро отвернулись?»

Скаут устремил на меня свои серые глаза, ударяя по ноге хлыстом, и ответил:

«Я знал, что он уже мертвец. Я никогда не промахиваюсь. Я повернулся к толпе потому, что был уверен: они начнут стрелять в меня, если увидят, что он упал».

«Мне говорили, что вы спокойный, вежливый человек. Как же вы попадаете в такие драки?»

«Чёрт возьми, если б я знал, – отозвался он с озадаченным видом, который тут же сменился вызывающе гордым выражением. – Но, понимаете, человек должен защищать свою честь».

«Да», – согласился я неохотно, вспомнив, что я не в Бостоне, а на границе, и что кодекс чести и способы её восстановления в разных местах слегка отличаются.

Одной из причин моего знакомства с Диким Биллом было желание услышать из его собственных уст рассказ о его приключениях, о которых я слышал от других. Это было не так-то легко. Тяжело преодолеть сдержанность, которой отмечены люди, жившие дикой горной жизнью. Ведь именно эта сдержанность – одно из бесценных качеств скаута. В конце концов, он сказал:

«Даже не знаю, с чего начать. Все эти истории довольно правдивы. Это было на войне. Тот случай, когда я переплыл реку, произошёл во время долгой разведки, когда генерал Кёртис отправил меня в армию Прайса, и я провёл с мятежниками пять месяцев. Тогда были довольно напряжённые дела, и было небезопасно идти прямо через их линии. Те, кто приходил с другой стороны, были под подозрением. Поэтому я начал с того,

что поехал в Канзас-Сити. Я купил там лошадь и отправился на равнины, а потом – через южный Канзас в Арканзас. Я знал одного мятежника по имени Барнс, которого убили под Пи-Ридж. Он был из Остина в Техасе. Я назвался его братом и записался в кавалерийский полк рейнджеров.

Генерал Прайс готовил поход в Миссури. Пока мы не началась кампания, мне было очень тяжело. Люди в нашем полку были просто звери. Убить человека для них было всё равно, что убить свинью. Офицеры не могли ими командовать. Они сами боялись своих людей и разрешали им делать, что угодно. Поэтому солдаты грабили и иногда убивали своих же мирных жителей. Мне было тяжело оставаться с ними и не превратиться в них. Я так и не раскрыл, что хорошо стреляю, я приберегал это на крайний случай. Но если бы вы слышали, как я ругаю голубопузых, то вы бы решили, что я самый злобный из всего полка. Так продолжалось, пока мы не приблизились к армии Кёртиса. Скоро они стояли на одной стороне Сэнд-Ривер, а мы на другой. Я постоянно собирал сведения, пока не узнал всё о полке и его силе: сколько было кавалерии, сколько было артиллерийских орудий.

Теперь настала пора уходить, но это было нелегко – на обеих сторонах реки были дозоры. Однажды когда я был в дозоре, наши люди болтали и переругивались с мятежниками, как это обычно бывало. Один из солдат Союза предложил обменять кофе на табак. Мы перешли на небольшой остров, который был вроде нейтральной территории. Через минуту я увидел другой отряд, это были миссурийские кавалеристы, и мы узнали друг друга. Я боялся, что они выдадут меня, поэтому выпалил:

«Ну, янки, давайте ваш кофе. Да не жареные бобы – мы, техасцы, разбираемся в таких вещах».

Парни промолчали, и мы разошлись. Через полчаса генерал Кёртис узнал, что я с мятежниками. Но как пересечь реку? Это ставило меня в тупик. После того, как я побывал в дозоре, я не волновался, что меня застрелят. Я стрелял в наших парней, а они – в меня, и мы нарочно промахивались. Но меня волновало, как пересечь реку. Наконец, после долгих раздумий я, как обычно, решил, что самый лучший и самый безопасный план – это самый смелый план.

У нас в роте был один сержант, который хвастался, что он мог победить любого в полку. Он клялся, что убил больше янки, чем любой другой человек в армии, и что он мог пойти на такой риск, на какой никто не пойдёт. Однажды, когда он говорил такое, я подошёл и предложил поспорить на наших коней, что я обгоню его на открытой местности и при этом буду ближе к янки,

чем он. Он пытался увильнуть, но люди подняли шум, назвали его трусом и хвастуном, поэтому он вынужден был согласиться. И вот мы сели на наших коней. Но перед тем как подойти к солдатам Союза на расстояние выстрела, я пнул своего коня и поднял его на дыбы, чтобы они могли увидеть, кто я. Потом мы медленно, бок о бок поехали к берегу реки.

Наверное, тысяч десять собрались посмотреть на нас. Кроме мятежников, которые не плакали бы, если бы нас убили, наши парни тоже пришли. Незаметно они целыми тысячами спустились к реке. Их дозоры стреляли в сержанта. Не знаю, боялись ли они попасть в меня, но меня ни разу не задели. Под таким градом пуль сержант показал себя смелым парнем.

Скоро мы приблизились вплотную к реке, и один из солдат янки завопил:

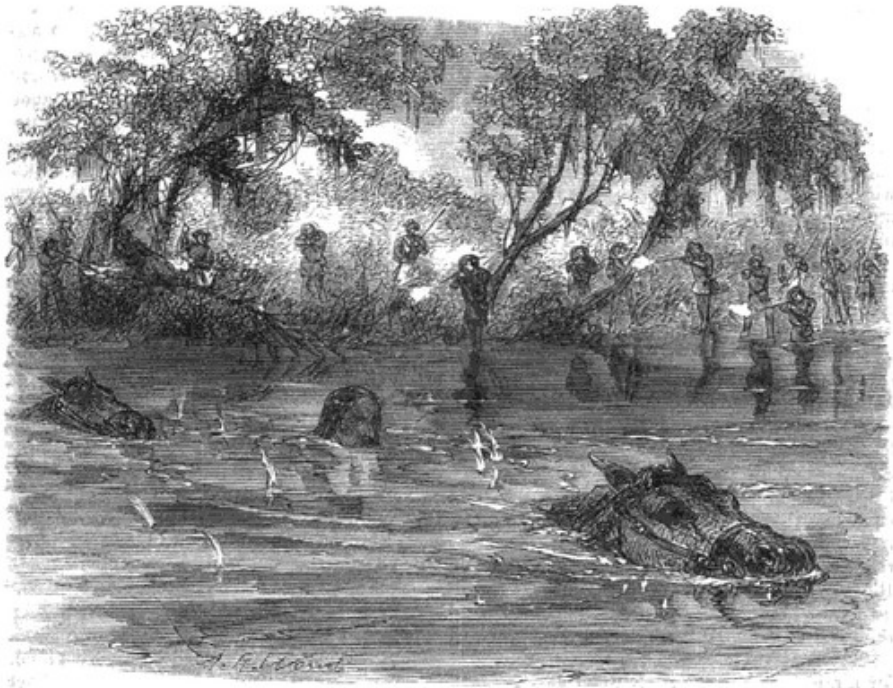
«Молодец, Дикий Билл!»

Тут сержант что-то заподозрил. Он повернулся и прорычал:

«Клянусь богом, я так и знал, что ты янки!»

Он тут же достал револьвер, но было слишком поздно: я успел послать в него пулю. Я бы не убивал его, если бы он меня не заподозрил. Я был вынужден.

Когда он скатился с седла, я взял его коня за поводья и как можно скорее бросился в воду. Когда я застрелил сержанта, наши парни подняли невероятный крик и открыли мощный огонь по мятежникам, а те начали палить в меня. Но я глубоко нырнул, и надо мной был конь. Я схватился за его за хвост и направлял к противоположному берегу, а другой рукой я держал коня сержанта за поводья. Это была самая горячая ванна в моей жизни. Ух! Две минуты пули разрезали воду. Но мятежникам мешали поднятые нами брызги, а наши парни скоро заставили их скрыться. После некоторого барахтанья на берегу я добрался до кустов с двумя конями и без единой царапины.



Признаюсь, – сказал скаут, поглаживая свои длинные волосы, – я был горд, когда наши парни привели меня в лагерь, и генерал Кёртис поблагодарил меня перед множеством генералов.

Но больше я такого не повторял. После этого я не был на разведке в армии Прайса. Меня слишком хорошо знали. Сами понимаете, быть пойманным – это не очень полезно для здоровья».

История скаута о том, как он переплыл реку, должна была удовлетворить моё любопытство. Но я особенно желал услышать историю о кровопролитном бое с бандой головорезов в начале войны, когда он в одиночку убил десятерых человек. Я слышал эту историю от офицера регулярной армии, который спустя час видел Билла и десятерых мертвецов – одни были убиты пулями, а другие зарезаны ножом.

Когда я сейчас пишу эту историю по заметкам, которые делал во время разговора со скаутом, я сознаю, что она крайне неправдоподобна. Но когда я слышал её из его уст, я вспоминал историю из Библии, как Самсон побил ослиной челюстью тысячу человек. Когда я смотрел на этот великолепный образец человеческой силы и смелости, он казался мне соединением Самсона и Геракла, и я считал, что его достижениям нет предела. Тот, кто четыре года видел такие героические, доблестные деяния, какие бывают на войне, обладает склонностью больше

доверять людям. Правдива эта история или нет, частично или полностью, но тогда я верил каждому слову Дикого Билла, как верю сегодня.

«Я не люблю говорить о деле Маккэндлеса, – сказал Билл в ответ на мой вопрос. – Когда я о нём думаю, у меня мурашки бегут по коже. Иногда я вижу об этом сны, и тогда просыпаюсь в холодном поту.

Понимаете, этот Маккэндлес был главарём банды головорезов, конокрадов, убийц, которые держали в страхе всех на границе. Как только они появлялись, у всех начинались неприятности. Я знал их в горах. Они притворялись трапперами, но, на самом деле, скрывались от палача. Маккэндлес был самым большим мерзавцем из всех и всегда хвастался, на что он способен. Как-то я победил его в стрельбе, а потом в борьбе. И уж будьте уверены, что я бросил его не так, как вы бы бросили ребёнка. Ну, он после этого и взбесился и поклялся, что когда-нибудь мне отомстит.

Когда началась война, мы в горах встали на разные стороны – кто Юга, кто Союза. Маккэндлес и его банда были головорезами с границы Канзаса, и они, конечно, перешли к мятежникам. Скоро он куда-то уехал, и я не думал о нём, пока он не перешёл мне дорогу. Но он про меня не забыл.

В шестьдесят первом году я был проводником у кавалерийского отделения, которое пришло из Кэмп-Флойд. Мы были в южной Небраске, почти у границ Канзаса, и однажды я ушёл из лагеря, чтобы навестить дом своего старого друга – миссис Уолтмен. Я взял только один револьвер. Хотя началась война, я не думал, что мне понадобятся оба револьвера, да и в любой потасовке один – это лучше чем дюжина, если вы хорошо стреляете. Я увидел на дороге несколько индеек и застрелил одну на ужин.

Я подъехал к миссис Уолтмен, спрыгнул с коня и подошёл к дому. В доме, как в большинстве домов в прерии, была только одна комната и две двери – спереди и сзади.

«Как дела, миссис Уолтмен?» – весело спросил я.

Когда она меня увидела, то побелела, как полотно, и закричала:

«Это ты, Билл? О, боже! Они тебя убьют! Беги, спасайся! Они тебя убьют!»

«Кто собирается меня убить? – сказал я. – В эту игру можно играть вдвоём».

«Это Маккэндлес со своей бандой. Их десять, у тебя нет шанса. Они только что проехали по дороге мимо кукурузного хранилища. Они будут здесь через пять минут. Маккэндлес протащил пастора Шипли по дороге на аркане. Проповедник умер от удушья, и лошади топтались по нему. Маккэндлес знает, что ты пришёл с этим отрядом янки, и поклялся, что перережет тебе горло. Беги, Билл, спасайся! Но слишком поздно. Они идут сюда».

Пока она говорила, я вспомнил, что у меня только один револьвер, и один заряд потрачен. На столе лежал рожок с порохом и несколько кусочков свинца. Я засыпал порох в пустую камору и забил свинец, ударяя стволом о стол. Только я вставил капсюль, как услышал крик Маккэндлеса:

«Здесь лошадь этого чёртова янки Дикого Билла! Он здесь! Мы с него шкуру сдерём!»

Если бы я и думал о бегстве, то сейчас было слишком поздно. Дом был моей лучшей крепостью. Я не думал, что сумею выйти из комнаты живым».

Скаут прервался, встал со своего места и в сильном волнении

зашагал туда-сюда.

«Я расскажу вам, что произошло, полковник, – продолжил он через некоторое время. – Я был не против потасовки с какими-нибудь парнями. Застрелить парочку, а остальные сами разбегутся. Но в банде Маккэндлеса были беспощадные, жаждущие крови дьяволы, которые дрались, пока могли жать на спусковой крючок. Я был во многих передрягах, но редко молился. Сейчас я молился.

«Обойдите дом, чтобы он не ушёл!» – завопил Маккэндлес.

Когда я услышал это, то вдруг почувствовал такое спокойствие, как будто собирался в церковь. Я оглядел комнату и увидел, что над кроватью висит ружьё Хокинса.

«Оно заряжено?» – спросил я у миссис Уолтмен.

«Да», – прошептала бедная женщина. Она была так напугана, что не могла громко говорить.

«Вы уверены?» – спросил я, когда прыгнул к кровати и снял ружьё с крючков.

Хотя я не отрывал взгляда от двери, я увидел, что она кивнула.

Я положил револьвер на кровать. Тут Маккэндлес просунул голову в дверной проход, но когда увидел меня с ружьём, отскочил назад.

«Иди сюда, трусливый пёс! – крикнул я. – Иди и дерись!»

Маккэндлес был мерзавцем, но не трусом. Он запрыгнул в комнату с ружьём, но он был недостаточно быстр. Пуля из моего ружья попала ему в сердце. Он упал навзничь, выпав во двор. Там его потом и нашли: он крепко сжимал своё оружие, которое лежало у него на голове.

Его банда сначала завопила, а потом затихла. Я положил ружьё и, взяв револьвер, сказал себе: «Шесть зарядов и девять человек. Береги свой порох, Билл – смерть близка!»

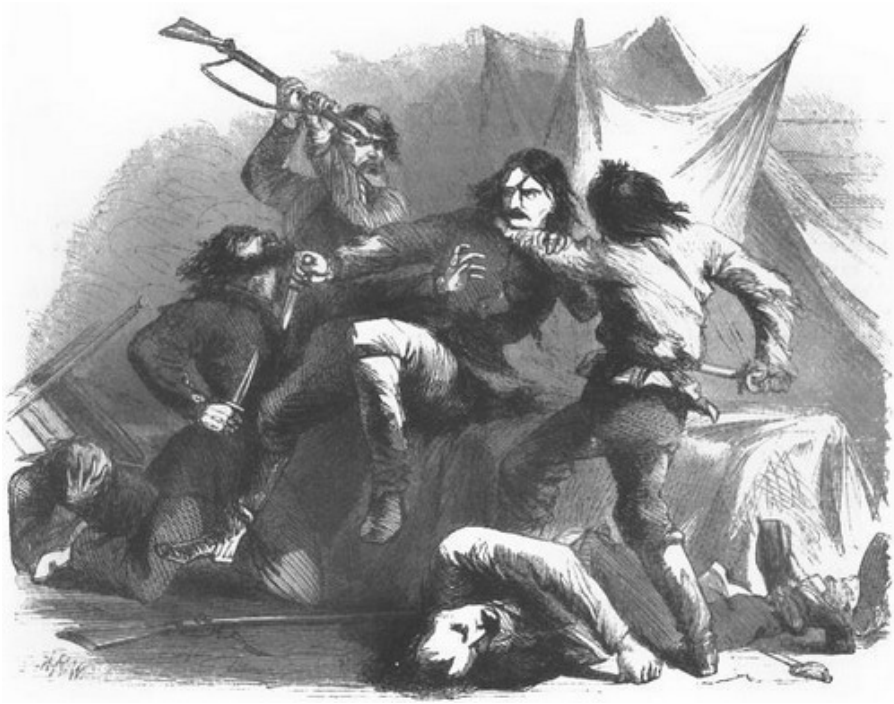
Не знаю, почему, полковник, – продолжил Билл, вопросительно глядя на меня, – но в тот миг всё казалось простым и понятным. Мысли мои были ясны.

Через несколько секунд ужасающей тишины мерзавцы бросились в обе двери. Какой у них был вид! Красные, пьяные рожи, горящие глаза, крики и ругань! Но я никогда в жизни не целился так медленно.

Раз… два… три… четыре… четверо упали замертво.

Это не остановило остальных. Двое выстрелили в меня из ружей, и я почувствовал жгучую боль. Комната заполнилась дымом. Двое подобрались ко мне поближе, их глаза сияли в дыму. Я ударил одного кулаком. «Этот пока безопасен», –

подумал я. Второго я застрелил. Ещё трое схватили меня и повалили на кровать. Я сопротивлялся изо всех сил. Одному я сломал руку – его пальцы держали меня за шею. Прежде, чем я сумел встать, я получил удар в грудь ружейным прикладом. Я почувствовал, что кровь пошла носом и горлом. В глазах потемнело. Я помню, что у меня был нож, потом всё как будто поплыло в тумане. Я обезумел, я наносил дикие удары, я преследовал дьяволов по всей комнате, по всем углам. Я бил и кромсал, пока не понял, что они все мертвы.



Неожиданно моё сердце как будто запылало. Я весь истекал кровью. Я бросился к колодцу и отпил из ведра, а потом рухнул от слабости».

Я, затаив дыхание, с возрастающим интересом следил за этой необычной историей, которая становилась всё более волнующей и жуткой, а её герой, казалось, снова вернулся в кровавые события того дня и дико размахивал руками. Тогда я увидел то, чего никак не мог обнаружить утром – тигра, который таился внутри этой нежности.

«Наверное, вы получили почти смертельные раны», – сказал я.

«В меня всадили одиннадцать крупных дробинок. Некоторые я и сейчас ношу. У меня было тринадцать резаных ран, и каждая из них могла бы лишить меня жизни. Я пролежал в кровати много

долгих недель, но старый, славный доктор Миллс вытащил меня».

«Ваша молитва, может быть, была более важной, чем ваши мысли, Билл. За ваше спасение вы должны благодарить бога».

«Говоря по правде, полковник, – отозвался Билл с торжественной серьёзностью на лице, – я никому здесь не рассказывал эту историю. Но я всегда чувствую благодарность, когда выбираюсь из передряг».

«В ваших диких, опасных приключениях, – спросил я, – вы когда-нибудь боялись? Вам знакомо это ощущение? Я уверен, что вы правильно поймёте вопрос. Мы, солдаты, хорошо понимаем, что нет высшей смелости, чем та смелость, которая проявляется при осознании опасности, когда моральная сила преобладает над слабым телом».

«Кажется, я вас понимаю, сэр. Мне не стыдно признаться, что однажды я был испуган так, как будто лишился всех сил, а моё лицо было белее мела. Это было в битве при Уилсонс-Крик. Я потратил больше пятидесяти патронов, и, кажется, все попали в цель. Я был в стрелковой цепи, близко к мятежникам, и вдруг батарея прямо передо мной открыла огонь. Как будто сорок тысяч пушек выстрелило, и все ядра пролетели в шести дюймах от моей головы. Я первый раз был под артиллерийским огнём и так испугался, что пару минут не мог шевельнуться. Когда я отходил, то наши парни спросили: «Ты что, увидел призрака?» Когда в меня стреляли пулями, а я мог отвечать, это, скорее, бодрило меня. Но перед пушками мне всегда было не по себе».

«Я бы хотел увидеть, как вы стреляете».

«Хотели бы?» – отозвался скаут, вытащив револьвер.

Он подошёл к окну и направил оружие на букву О на вывеске, которая висела на каменной стене дома напротив.

«До этой вывески пятьдесят ярдов. Я положу шесть пуль внутрь круга, который не больше человеческого сердца».

Он без подготовки и не глядя на револьвер, выпустил все шесть пуль. Впоследствии я убедился, что все пули попали в круг.

Когда Билл перезаряжал револьвер, он сказал мне с некоторой наивной доверчивостью:

«Если вы попадёте в переделку, то будьте увереннее и не стреляйте слишком быстро. Не спешите. Я знавал многих парней, которые погибли из-за того, что поторопились выстрелить».

Приключениями этого замечательного человека можно легко заполнить целый том. Моей целью было дать лишь краткий очерк об одном из лучших – вероятно, о самом лучшем – образце того типа людей, которые больше всех встречались с опасностями и лишениями при защите нашей страны.

* * *

Когда мы с генералом Смитом сели на лошадей, чтобы ехать на Восток, Дикий Билл пришёл попрощаться, и я сказал ему:

«Если вы не возражаете, я напишу и опубликую отчёт о некоторых ваших приключениях».

«Валяйте, – отозвался он. – Я что-то вроде общественной собственности. Но, полковник, – добавил он, склонившись к луке моего седла, и его голос задрожал, а отведённые глаза странно увлажнились, – у меня в Иллинойсе живёт мать. Она уже стара и слаба. Я не видел её много лет и был плохим сыном, но я люблю её больше всего на свете. Мне не важно, что люди говорят обо мне. Но я не головорез и не бродяга, и я хотел бы, чтобы старая женщина знала, что может мной гордиться. Я хотел бы, чтобы она услышала, что её сбежавший сын сражался на войне за Союз, как настоящий мужчина».

Пожелание Уильяма Хичкока, которого называют «Дикий

Билл, скаут равнин», будет исполнено. Я рассказал его историю именно так, как он рассказывал её мне, подкрепив все важные эпизоды свидетельствами очевидцев. И у меня нет сомнений в её правдивости.

Дж. У. Н.

notes

Примечания

1

…Уильяма Хичкока. – Ошибка автора. Настоящее имя Дикого Билла: Джеймс Батлер Хикок.

2

Джон Куинси Адамс Уорд (1830-1910) – американский скульптор. Его скульптура «Индеец-охотник» установлена в Нью-Йорке.

3

Возможно, Эндрю Джексон Смит (1815-1897) – американский военачальник, генерал армии Севера.

4

Регуляторы – чиновники, следящие за исполнением законов.

5

Стерлинг Прайс по прозвищу Старый Сосок (1809-1867) – американский военный и государственный деятель, генерал армии Юга.

6

Сэмюэль Райан Кёртис (1805-1866) – американский государственный деятель и военачальник, генерал армии Севера.

7

Эдмунд Кирби Смит (1824-1893) – американский военачальник и педагог, генерал армии Юга.

8

Мазепа… конной скачки. – Имеются в виду популярные изображения, восходящие к поэме Байрона «Мазепа» (1818). В поэме Мазепу за роман с замужней женщиной голым привязывают к лошади, которую затем пускают вскачь.

9

Возможно, Мэри Энн Тодд Линкольн (1818-1882) – жена Авраама Линкольна.

10

Битва при Бул-Ране (1861), битва при суде Динвидди (1865) – битвы времён Гражданской войны в США.

11

Адольф Ивон (1817-1893) – французский художник-баталист. Было два французских художника-баталиста с фамилией Верне: Шарль Верне (1758-1835) и его сын Орас Верне (1789-1863).